

DOI 10.32460/ishmu-2022-10-0015

УДК 323

ББК 66.3(2)

Особенности конструирования и восприятия политики памяти о распаде СССР*

*Грибовод Е. Г., канд. полит. наук, науч. сотр.,
ИФиП УрО РАН, Екатеринбург*

Ключевые слова: политика памяти, культурная память, политическая память, распад СССР, нарратив, дискурс, ностальгия

В статье рассматривается проблематика распада СССР на материале работ отечественных исследователей. Обращение к событиям, связанным с разрушением советского государства, происходит с использованием оптики «memory studies», описанием дискурсов и нарративов о событиях 1991 года. Выделяется ряд особенностей формирования памяти и восприятия в общественном сознании событий и персоналий исследуемого периода отечественной истории.

Politics of the memory in regards to the USSR collapse: formation and perception*

*Gribovod E. G., PhD in political sciences, researcher,
IPAL UB RAS, Ekaterinburg*

Keywords: politics of memory, cultural memory, political memory, collapse of the USSR, narrative, discourse, nostalgia

The paper discusses problems of the USSR collapse based on the works of the Russian researchers. The events related to the collapse of the Soviet state in 1991 are elucidated by using the optics of the memory

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43023.

The research was funded by RFBR according to the project № 21-011-43023.

studies including description of the discourses and narratives. It is also relevant to distinguishing several characteristic features of the collective memory formation in relation to the perception of the events and personalities from the concerned period of our national history.

Одним из значимых и дискуссионных событий XX века и новейшей отечественной истории можно считать распад Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Несмотря на небольшой промежуток времени, чуть более тридцати лет с момента разрушения советского государства, данный исторический сюжет как часть советского прошлого накопил многообразие противоречивых нарративов и дискурсов. Стоит отметить, что в информационной повестке интерес к распаду СССР и связанным событиям (например, августовский путч 1991 года) особенно возрастает в периоды «круглых» дат и юбилеев [1, с. 21]. Кроме того, проблематика, связанная с распадом советского строя, находит большой отклик и осмысление в работах отечественных ученых, а данные события и политические акторы становятся объектами социологических исследований. Так, в работах российских ученых проводится обзор научно-популярной литературы, посвященный распаду СССР [2], анализ интерпретации данного исторического события в школьных учебниках по Истории России [3], анализ причин, факторов и условий разрушения советского государства [4], исследуется феномен ностальгии по советской эпохе [5; 6]. Большой пласт качественных и количественных исследований посвящен изучению особенностей восприятия данного сюжета советского периода и воспроизводства памяти об СССР у разных поколений [6; 7].

Анализ и оценка распада СССР, восприятие и интерпретация данной страницы истории в академическом и публичном дискурсе происходит с помощью обращения к инструментарию и теоретико-методологическому базису, накопленному в том числе в результате исследования памяти («memory studies»). При изучении концепта памяти «в ее наиндивидуальном социальном измерении» Е. В. Рягузова отмечает коннотационную широту данной категории, объединяющие «близкие, но не синонимичные понятия, имеющие разные смысловые границы», среди которых выделяет историческую, культурную, коллективную и коммуникативную память [8, с. 139]. Отдельно останавливаться на каждом виде памяти в работе не предусмотрено, исследовательский интерес главным образом сконцентрирован на рассмотрении основных дискурсов и нарративов о распаде СССР и особенностях восприятия и перекодирования данных дискурсов в общественном сознании.

Обращение к распаду СССР и сформировавшимся дискурсам и нарративам о событиях 1991 года прослеживается как в контексте изучения отдельных видов памяти (например, политической, коммуникативной), так и политики памяти в целом. О. Ю. Малинова рассматривает политическую память как «совокупность исторических нарративов, образов и символов, на которую опирается идентичность» [1, с. 20]. При изучении августовского путча 1991 года О. Ю. Малинова выделяет следующие соперничающие нарративы: «о победе демократических сил над сторонниками коммунистического реванша», «об ударе по перестройке», «ГКЧП как неудавшаяся попытка спасти советскую Родину» и «заговор врагов» [1, с. 23–25]. Кроме того, исследователь показывает связь августовских событий с распадом СССР и раскрывает особенности восприятия демонтажа советского государства определенными мнемоническими акторами, транслирующими данные нарративы в общественную повестку. Позиции варьируются в соответствии с доминирующим нарративом: «путч ГКЧП ускорил распад», «распада СССР можно было избежать», «к распаду СССР привел провал путча» и «СССР распался из-за происков врагов» [1, с. 23]. Опираясь на концепцию «режимов памяти» М. Бернхардома и Я. Кубика, исследователь выявляет «гибридный режим памяти о событиях 1991 года», а также фиксирует нарастание апатии со стороны разных мнемонических акторов, конструирующих политическую память о данных событиях спустя тридцать лет [1, с. 19–21].

В современном официальном дискурсе политики памяти, согласно Е. Л. Тимшиной, распад СССР определяется как негативное историческое событие, которое «не исключается из обсуждения и комментирования представителями власти», но при этом ряд вопросов касаясь данного события подробно не обсуждается [9, с. 124]. В связи с этим формируются пробелы в государственной исторической политике, которые активно заполняются различными нарративами, конструируемыми мнемоническими акторами (политическая элита, политические партии, СМИ и др.), в частности касаясь причин распада СССР. Кроме того, Е. Л. Тимшина отмечает, что события, связанные с разрушением советского государства, закрепились и воспроизводятся в коллективной памяти населения, в том числе через оппозицию «лихие 90-е» и «стабильные 2000-е», которая прослеживается в дискурсе государственной исторической политики памяти [9, с. 124].

По итогам проведенной серии фокус-групп в 2021 году среди жителей города Екатеринбурга трех возрастных групп (молодежь, люди среднего и старшего возраста) были получены предваритель-

ные результаты, согласно которым можно выделить ряд особенностей формирования памяти о распаде СССР и восприятия событий и персоналий указанного периода отечественной истории. Во-первых, распад советского государства и события связанные с ним, в меньшей степени встроены в структуру культурной и коммуникативной памяти о советском прошлом у молодежи, чем у советского поколения. Официальный дискурс политики памяти о распаде СССР лучше усваивается у постсоветского поколения, которое не застало данный рубеж и конструирует память по вторичной информации, транслируемой как в рамках официальной политики памяти, так и на уровне семьи. Так, распад СССР у молодежи либо не упоминался как знаковое событие советского периода, либо упоминается только однократно. Во-вторых, на восприятие и конструирование событий, связанных с разрушением советского государства, у лиц среднего возраста оказывает влияние коммуникативная память семьи, конкуренция дискурсов российской политики памяти 90-х и 2000-х годов, а также идеализация и ностальгия по детству и молодости. Распад СССР, с одной стороны, воспринимался очень эмоционально как символическая граница, слом эпох, рубежный период, а с другой стороны, прагматично и нейтрально как историческая дата, этап отечественной истории. При этом отмечается, что юридически советское государство прекратило существование в 1991 году, но фактически советские практики применялись еще длительное время. Так, один из участников фокус-группы, мужчина 35 лет с высшим образованием, отметил: *«Дело в том, что я провел детство в сельской местности, и там Советский Союз, мне кажется, продолжал существовать еще вплоть до конца 90-х, и много из того, что я видел там, в фильмах, слышал по рассказам, я видел это и так»*. В-третьих, в структуре культурной и коммуникативной памяти людей старшего возраста (пенсионеров) распад СССР – наиболее знаковое событие, чем у других возрастных групп. Оно более эмоционально окрашено, поскольку является частью непосредственного эмоционально насыщенного опыта, воспринимается как пройденный жизненный этап, а не «абстрактная» страница истории страны. Так, одна из участниц фокус-группы, женщина-пенсионер из Екатеринбурга, в качестве одного из значимых событий советского периода назвала «распад Союза» и отметила, что *«нельзя было, этого нельзя было делать. Мне жалко, что мы распались»*. Другой участник фокус-группы, женщина-пенсионер из Екатеринбурга, наряду с полетом в космос Ю. Гагарина также выделила распад СССР в качестве

важного события для страны, сообщив: *«полет Гагарина. И распад тоже, да. Это очень серьезно»*. Стоит подчеркнуть, что в контексте обсуждения исторических деятелей периода СССР среди респондентов возникла дискуссия о роли Б. Ельцина и М. Горбачева в распаде СССР. Так, в высказываниях о распаде советского строя фиксируется нарратив «поиск виноватого в распаде СССР». Кроме того, при обсуждении значимых советских деятелей и событий прослеживается ностальгия об упущенных возможностях, молодости, гордость за советские достижения науки и техники, замалчивание и избегание травмирующих воспоминаний. Отметим, что среди респондентов всех трех возрастных групп не фиксировались положительные высказывания и оценки событий, связанных с распадом СССР, а наоборот, в группе пенсионеров при обращении к данному историческому сюжету высказывалось сожаление.

Таким образом, с позиции культурной и коммуникативной памяти у разных поколений распад СССР может рассматриваться как один из знаков-символов советской эпохи и как историческое событие в первую очередь для постсоветских граждан. Поскольку с момента распада СССР прошло тридцать лет, многие непосредственные участники событий, связанных с завершением советской эпохи, сохраняют, передают и воспроизводят данные события в рамках памяти семьи. Особое место занимает исследование дискурса о распаде СССР через обращение к постпамяти и исторической травме.

При анализе количественных и качественных исследований последних нескольких лет, посвященных восприятию и конструированию советской эпохи, в массовом историческом сознании многими исследователями выделяется феномен ностальгии как сопутствующий эффект в процессе коммеморации событий и персоналий советского периода, а также мифологизации и идеализации советских практик и страниц истории, которые пришлось на период молодости и «безоблачного» детства [5; 6]. Кроме того, особенно в современном медиапространстве фиксируется тенденция формирования и переконструирования общественного сознания о советской эпохе с помощью ярких метафор, в частности применительно к распаду СССР – «ликвидация», «коллапс», «крах», «слом» и разнообразных мемов. В заключение отметим, что, несмотря на неоднозначные оценки событий, связанных с завершением советского этапа развития страны, со стороны научного сообщества, общественности, политических элит распад СССР может рассматриваться как система координат, символический компонент, встроенный в структуры разных видов памяти, как официальной национальной политики памяти, так и памяти семьи.

Список источников

1. Малинова О. Ю. Августовский путч 1991 г. и распад СССР в политической памяти современной России: эволюция соперничающих нарративов. DOI 10.15826/tetm.2021.3.019 // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2, № 3. С. 19–26.

2. Волгин Е. И. Проблема распада Союза ССР в современной научно-популярной литературе // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2018. № 71. С. 163–185.

3. Корочаров А. В. Распад СССР в современных школьных учебниках // *Свободная мысль*. 2021. № 1. С. 25–42. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45590693_33436257.pdf (дата обращения 20.05.2021).

4. Логвенков И. С. Демонтаж СССР: историография причин, условий и факторов // *Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество)*. 2017. № 4. С. 129–145.

5. Мазур Л. Н. Ностальгия по СССР: память - мифы - политика? // *Документ. Архив. История. Современность*. 2019. № 19. С. 180–206.

6. Долгов А. Ю. От ностальгии к осмыслению настоящего: СССР в представлениях разных поколений / А. Ю. Долгов, Е. Ю. Мелешкина, О. А. Толпыгина. DOI <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.11> // *Политическая наука*. 2021. № 1. С. 245–273.

7. Ядова М. А. «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»: постсоветская молодежь о распаде СССР. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12 // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2021. Т. 14, № 5. С. 231–246.

8. Рягузова Е. В. Коллективная память и инстанции темпоральности. DOI 10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145 // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия. Акмеология образования. Психология развития*. 2019. Т. 8, № 2 (30). С. 138–146.

9. Тимшина Е. Л. Проблема распада СССР в нарративах политических партий России. DOI 10.7256/2454-0609.2021.6.37102 // *Исторический журнал: научные исследования*. 2021. № 6. С. 121–134.

References

1. Malinova O. Yu. Avgustovskij putch 1991 g. i raspad SSSR v politicheskoj pamyati sovremennoj Rossii: evolyuciya sopernichayushchih narrativov [The august 1991 coup d'état and the collapse of the soviet union in the political memory of contemporary Russia: the evolution of competing narratives]. DOI 10.15826/tetm.2021.3.019. *Tempus et Memoria*, 2021. vol. 2, no. 3, pp. 19–26. (In Russ.).

2. Volgin E. I. Problema raspada Soyuza SSR v sovremennoj nauch-

no-populyarnoj literature [The problem of the collapse of the USSR in modern popular science literature]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik, 2018, no. 71, pp. 163–185. (In Russ.).

3. Korocharov A. V. Raspad SSSR v sovremennyh shkol'nyh uchebnikah [Disintegration of the USSR in modern school textbooks]. Svobodnaya mysl', 2021, no. 1, pp. 25–42. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_45590693_33436257.pdf (accessed: 20.05.2021). (In Russ.).

4. Logvenkov I. S. Demontazh SSSR: istoriografiya prichin, uslovij i faktorov [Dismantling the USSR: historiography of causes, conditions and factors]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo), 2017, no. 4, pp. 129–145. (In Russ.).

5. Mazur L. Nostal'giya po SSSR: pamyat' – mify – politika? [Soviet Nostalgia: Memory – Myths – Politics]. Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost, 2019, no. 19, pp. 180–206. (In Russ.).

6. Dolgov A. Yu., Meleshkina E. Yu., Tolpygina O. A. Ot nostal'gii k osmysleniyu nastoyashchego: SSSR v predstavleniyah raznyh pokolenij [From nostalgia to understanding the present: perception of the USSR by different generations]. DOI <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.11>. Politicheskaya nauka. 2021, no. 1, pp. 245–273. (In Russ.).

7. Yadova M. A. «Ne po proshlomu nostal'giya, nostal'giya po nastoyashchemu»: postsovetskaya molodezh' o raspade SSSR [“Nostalgia not for the past but nostalgia for the present”: post-soviet youth on USSR's collapse]. DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-5-12. Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo, 2021, vol. 14, no. 5, pp. 231–246. (In Russ.).

8. Ryaguzova E. V. Kollektivnaya pamyat' i instancii temporal'nosti [Collective memory and instances of temporality]. DOI 10.18500/2304-9790-2019-8-2-138-145. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya, 2019, vol. 8, no 2 (30), pp. 138–146. (In Russ.).

9. Timshina E. L. Problema raspada SSSR v narrativah politicheskikh partij Rossii [The problem of dissolution of the Soviet Union in the narratives of Russian political parties]. DOI 10.7256/2454-0609.2021.6.37102. Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya, 2021, no. 6, pp. 121–134. (In Russ.).